

ПРОФЕССИЯ ОБЯЗЫВАЕТ...

К семидесятилетию со дня рождения Г. А. Товстоногова

ОН РАНО догадался о своем призвании. И до сих пор помнит первый, еще невнятный толчок загадочной профессии. На спектакле «Гроза» в Тбилисском русском театре имени А. С. Грибоедова трагедия Тихона, смерть Катерины вдруг открылись ему до текста, без слов. Просто медленно качнулись и под тревожную музыку-плач стали заваливаться набор церковные главы, декорации. Эта, быть может, наивная символика смятения в душе героя, выраженная косвенно, через общее пластическое и музыкальное решение эпизода, буквально ошеломила подростка. Он понял, что существует, оказывается, другой язык эмоционального воздействия — не только актерский. Более всеобъемлющий. Не менее волнующий. И его волшебные звуки овладели отныне его воображением.

С замирающим сердцем он вслушивается в ее гармонические звучания на спектаклях К. Марджанова. Его завораживает огненный почерк А. Ахметели, гибкий, вспыхивающий чисто грузинским темпераментом — его музыкально-пластических «партитур». Магия созвездия выдающихся грузинских актеров А. Хоравы, А. Васадзе, В. Анджапаридзе, С. Закаридзе, — как и вся в целом эта школа высокой трагедии и комедии захватывает его своим неподдельным артистизмом, масштабом и величием страстей, блеском сценической культуры.

Здесь, в Тбилиси конца двадцатых — начала тридцатых годов, образуется «завязь» собственно режиссерской профессии Георгия Товстоногова. Отсюда, из недавно организованного ТЮЗа, начинается его тропинка. В течение нескольких лет он проходит через все службы театрального организма, совмещая должности ассистента режиссера и актера на характерные роли. Происходит и нечто большее — закладка профессиональных критериев, художественного вкуса, высокой требовательности.

Процесс этот продолжается затем и в Москве, где студент-первокурсник только что открывшегося режиссерского факультета ГИТИСа умудрился за один год просмотреть его спектакли, обойти все столичные театры и студии, а на спектакле МХАТа «Дни Турбиных», озаренного гениальным прикосновением К. Станиславского, побывать шестнадцать раз. Каждые летние каникулы он приезжает домой, в Тбилиси, и уже самостоятельно ставит в ТЮЗе спектакли. К концу учебы в его послужном списке значатся шесть постановок. Сельскую, дипломную, он осуществляет уже в Театре имени А. С. Грибоедова. Случай, уникальный в этой профессии! Ненасытная любознательность, динамизм личности, редкая целеустремленность — качества, определяющие облик Г. Товстоногова. И той, студенческой его поры, и дня нынешнего. И тогда, и теперь — годы ничего не изменили здесь — он не терпит праздности, застой; он точно одержим чувством новизны каждого дня, каждой работы.

Судьба его в высшей степени интересна сама по себе. Сквозь ее контуры и вехи просматриваются судьбы целого поколения советской художественной интеллигенции. Того поколения, чье рождение совпало с Октябрьской революцией, а все дальнейшее развитие и формирование имело точкой отсчета это событие.

Оттуда, из тех времен, эта постоянная гражданская «бессонница» художника.

Оттуда это тяготение к масштабному, «романному» ходу сценического исследования «судьбы народной», соседствующее с пристальным вниманием к малейшим подробностям «судьбы человеческой».

Оттуда же и это постоянное обновление театрального языка, стремление к новизне как к непререкаемому условию жизни в искусстве.

Товстоногов несет в своих творческих генах, олицетворяет собой эти доминанты революционного социалистического искусства. Его творчество словно заряжено энергией нового. Нового миропонимания на уровнях быта и героики, трагедии и философии. Нового взгляда на, казалось бы, хорошо известное старое. Новой ритмопластической и пространственной организации спектакля. И как он сам всегда ждал от актеров какой-то неожиданности в игре, так и от него привычно ждали нового. Он приучил и актеров, и зрителей, и критиков к непререкаемому поиску художественной новизны, как к норме искусства. Он создал прецеденты. Дал камертон. К нему невозможно не прислушиваться. И обзоре-

вая мысленно созданное им в искусстве за полувековой путь, повсюду замечаешь и азарт и страсть, и волю, и ум первопреходца.

Он умеет нащупать «горячие точки» современной жизни и дать им художественное истолкование. Он поставил режиссерский «диагноз» в целом ряде острых, мучительных и радостных спектаклей: от «Первой весны» до «Пяти вечеров», от «Океана» до «Протокола одного заседания».

В ИСКАНИЯХ Товстоногова особо прочерчивается линия героического спектакля как конкретное воплощение одного из магистральных направлений всего послереволюционного советского театрального искусства. Говоря об эстетической значительности такого спектакля, а в центре его — человек, способный «себя преодолеть», — мы обращаемся к нравственным истокам подвига, к природе человеческого мужества и стойкости. Движение темы прослеживается через всю биографию художника, живущего «в эпоху войн и революций». Ее начало — спектакль «Парень из нашего города» (Тбилисский театр имени А. С. Грибоедова), репетиции которого Товстоногов начал 20 июня 1941 года. И дальше, словно поворачивая разными гранями эту тему, раскрывает ее на материале поэмы и драматургии, через эпизоды революционной, военной истории народа и публицистику антифашистской драмы. Режиссер создает такие мощные, иногда новаторские произведения, как «Дорогой бесшумности» и «Гибель эскадры» в Театре имени Ленинского комсомола, «Оптимистическую трагедию» в Академическом театре драмы имени А. С. Пушкина, «Поднятую целину», «Беспокойную старость», «Тихий Дон» и еще раз «Оптимистическую трагедию» в БДТ имени М. Горького, — произведения, оказавшие огромное воздействие на внутренний мир, образ мыслей и чувствований нескольких поколений зрителей.

Время — один из главных героев театра Товстоногова.

В недрах исторической памяти народа он распутывает клубки жгучих противоречий, развернувшихся вполне только ныне. Время, общество, человек исследуются им в диалектической сопряженности, в движении, которое обретает материальную осязаемость в границах «зеркала сцены», в прицельности социально-психологического, нравственного «боя».

Оттого ему удалось в своих работах снять хрестоматийный глянец с классического наследия русской драмы. Он добился того, что постановки по классике — будь то «Гроза» или «Помпадуры и Помпадурши», «Варвары» или «Идиот», «Три сестры» или «Ревизор», «Мешане» или «История лошади» — вошли в духовный обиход современника, стали неотъемлемой частью художественного процесса.

Он не только ставит спектакли, — решает общекультурные проблемы. Ему удалось, например, найти пути практического сближения эстетики Станиславского и Брехта. Он продемонстрировал образцы сложного взаимопроникновения эстетики жизнеподобного и условно-поэтического театров. Это синтезирующее начало режиссуры Товстоногова, этот

поиск «на стыке» разных культурных традиций, оплодотворенный к тому же новейшими достижениями в области искусства актера, экспериментами в сфере постановочного мастерства, послужил фундаментом театральных открытий, получил европейское и мировое признание.

ОН ОЧЕНЬ рано стал формироваться как человек широкого гуманитарного кругозора, как человек традиций. Этому способствовали и атмосфера интеллигентного дома, и собственные склонности. Подрастком он увлекался античной мифологией (по книге Шваба), зачитывался приключениями Рокамболя (из библиотеки дяди-профессора). Петербуржец по рождению, он получил домашнее образование (до четвертого класса) с приличным знанием французского языка и литературы. В Тифлисе несколько лет исправно посещал немецкую школу — отсюда, на всю жизнь, знание немецкого языка и культуры Германии. Школьные каникулы — в деревне, у деда, где не только обучился грузинскому языку, но и самым живым непосредственным образом воспринял историю и быт народа.

Без видимых усилий он абсорбировал в себя самые разные истоки и пласты культуры — славянской, грузинской, европейской. И также незаметно они «укладывались» на прочно заложенный в семье фундамент русской культуры. Отец Товстоногова, Александр Андреевич, направлял духовное развитие сына, руководил его чтением, вел с подростком «мужские беседы». Сам он принадлежал к кругам высокообразованной технической интеллигенции и, естественно, приучивал сына к сходной жизненной миссии, видел в нем продолжателя семейной традиции. А сын постоянно видел перед собой одного из родственников — актера Тифлиского рабочего театра А. Любаша...

Люди театра подчас и в жизни что-то играют, продолжают оставаться «в образе». Товстоногов никак не хочет казаться. Он такой, как есть: демократичен, непринужден, любит юмор, мгновенно ориентируется в обстановке. У него врожденный дар «и не единой долькой не отступаться от лица». Он остается самим собой. Ни под кого не подстраивается. В крупном ли, в мелочах.

Кажется, он всегда «в форме» — в любой сфере, в которой работает. Товстоногов художник создает произведение сценического искусства. Товстоногов-ученый напряженно размышляет над проблемами искусства и жизни в их взаимосвязях, — выходят статьи, интервью, книги. Товстоногов-педагог создает актерские и режиссерские школы. Товстоногов — эрудированный, остроумный полемист. Он — представитель советского искусства за рубежом, — это гастрольные поездки АБДТ имени М. Горького, многочисленные собственные постановки в театрах мира, международные симпозиумы и встречи деятелей культуры.

В чем секрет творческой молодости художника? В том, что он умеет вдохновенно перечитывать заново собственный опыт, творчески его развивать. В нем не угасает великая жажда совершенства.

Э. ЯСНЕЦ,
кандидат искусствоведения